

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.214-230>

УДК 811.411.21 + 811.512.1 + 811.161.3

EDN: YCMCNE

КАЗАНСКИЙ КИТАБ.
ПАМЯТНИК РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАР
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVII ВЕКА:
КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

М.В. Тарелко

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы

Национальной академии наук Беларуси

Минск, Беларусь

tarelko_michael@yahoo.com

Резюме. Цель исследования: кодикологическое и библиографическое описание белорусскотатарской рукописи XVII века, хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета под шифром 5750т (ранее 1546), и известной в научном мире как Казанский китаб.

Материалы исследования: белорусскотатарская рукопись XVII века (кодекс) объёмом 75 листов (формат 4°) – так называемый Казанский китаб (крышка, переплёт, бумага, водяные знаки, чернила); а также все содержащиеся в данной рукописи тексты на арабском, славянских (белорусском и польском) и тюркских языках (включая маргиналии, колофоны, владельческие, дарственные, хозяйственные и иные записи).

Результаты и научная новизна: дополнено кодикологическое и библиографическое описание белорусскотатарской рукописи XVII в. (Казанского китаба). Продолжено исследование бумаги (водяных знаков) – устранены некоторые неточности в ее описании. Впервые полностью публикуются содержащиеся в рукописи колофоны (авторский и переписчика), а также имеющиеся в ней владельческие, дарственные, хозяйственные и иные записи, что проливает свет на происхождение и судьбу этого памятника белорусскотатарской книжности. Впервые предпринята попытка перевода и всесторонней интерпретации указанных колофонов и иных записей. Выявлены имена ряда неизвестных ранее владельцев рукописи.

Ключевые слова: арабский язык, тюркские языки, славянские (белорусский и польский) языки, татары Великого княжества Литовского

Для цитирования: Тарелко М.В. Казанский китаб. Памятник рукописного наследия татар Великого княжества Литовского XVII века: кодикологическое и библиографическое описание // Золотоордынское обозрение. 2026. Т. 14, № 1. С. 214–230. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.214-230> EDN: YCMCNE

© Тарелко М.В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

KAZAN KITAB. MONUMENT TO THE MANUSCRIPT HERITAGE
OF THE TATARS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA 17th CENTURY:
CODICOLOGICAL AND BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

M.V. Tarelko

*Center for research of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
tarelko_michael@yahoo.com*

Abstract. Objective: Codicological and bibliographic descriptions of the Belarusian-Tatar manuscript of the 17th century stored in the Scientific Library of the Kazan University under the code 5750r (previously 1546) and known in the scientific world as the Kazan Kitab.

Research materials: The Belarusian-Tatar manuscript of the 17th century (codex) stored in the Scientific Library of the Kazan University – the so-called Kazan Kitab – and all texts contained in the manuscript (including colophons, ownership details, and other records).

Results and novelty of the research: The codicological and bibliographic description of the 17th century Belarusian-Tatar manuscript (Kazan Kitab) has been supplemented. The paper study has been continued. The colophons (author's and copyist's) contained in the manuscript are published for the first time as well as details of ownership, gift-bestowing, economic and other records contained in it. All of these shed light on its origin and fate. For the first time an attempt has been made to translate and comprehensively interpret the said colophons and records. The names of several previously unknown owners have been revealed.

Keywords: Arabic language, Turkish languages, Slavonic (Belarusian and Polish) languages, tatars of the Grand Duchy of Lithuania

For citation: Tarelko M.V. Kazan Kitab. Monument to the manuscript heritage of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania 17th century: codicological and bibliographic description. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2026, vol. 14, no. 1, pp. 214–230. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.214-230> (In Russian)

Рукописное наследие татар Великого княжества Литовского (ВКЛ) и их потомков – татар Беларуси, Литвы и Польши – насчитывает сотни манускриптов, написанных в период от рубежа XVI и XVII вв. до начала XXI в. Однако подавляющее большинство сохранившихся рукописей относится к XIX – началу XX вв., в то время как XVIII в. датируются лишь несколько десятков, а XVII в. – лишь единицы.

Одна из белорусскотатарских рукописей XVII в. находится в Казани (в Научной библиотеке Казанского университета), будучи известной в научном мире как Казанский китаб. Ее исследование было начато в 60-х годах прошлого столетия выдающимся специалистом по белорусскотатарским рукописям, профессором А. Антоновичем [2, с. 120–131] и продолжено учеными из Литвы [18, 10, 11, 12] и Польши [22].

Рукописи татар ВКЛ и их потомков многоязычны. Они содержат тексты на арабском, тюркских, белорусском и польском языках, записанные арабским письмом. Казанский китаб состоит из двух частей, тюркоязычной и бе-

лорусскоязычной, написанных разными людьми. При этом внимание ученых пока что было сконцентрировано преимущественно на белорусской части рукописи, в то время как её тюркская часть оставалась и продолжает оставаться без должного внимания. Например, тексты на белорусском языке издавались и переводились на русский и литовский языки [11], анализировалась их орфография и язык [2, с. 125–131], в то время как содержащиеся в тюркской части тексты еще не были предметом исследования.

Также не может, на наш взгляд, считаться завершенным кодикологическое и библиографическое исследование рукописи. До сих пор разными авторами указывается разное количество листов, нет единства в описании содержания (см. далее). Из колофона переписчика цитируется только имеющееся в нём имя. Многочисленные владельческие и иные записи, которые безусловно могли бы пролить свет на историю рукописи, даже не упоминаются. В то же время, изучение Казанского китаба, как одной из старейших сохранившихся белорусскотатарских рукописей, несомненно важно для понимания генезиса всего рукописного наследия татар Беларуси, Литвы и Польши.

Таким образом, несмотря на то, что Казанский китаб вот уже свыше полувека служит объектом научного исследования, следует сказать, что многие вопросы, связанные с его изучением, остаются пока нерешенными. Более того, некоторые, казалось бы, уже устоявшиеся представления о нем, возможно, требуют пересмотра.

Кодикологическое описание рукописи.

Объем рукописи. На сайте Библиотеки Казанского университета¹ указывается, что объём рукописи 5750т (ранее 1546)² – [76] л. Такой же объём указывается в работе литовской исследовательницы Галины Мишкинене [10, с. 47]. На самом деле листов теперь 75. Они пронумерованы цифрами от 1 до 76, однако, листы с номерами 2 и 42 отсутствуют. С другой стороны, при фолиации повторен номер 4, то есть в рукописи имеется два листа под номером 4 – лист 4а-б и лист 4в-г. Таким образом в сумме мы получаем 75 листов. Такой объём (правильный) указан еще в 2000 г. польским исследователем А. Дроздом [22, с. 51].

Следует сказать, что нумерация листов и страниц в Казанском китабе проводилась трижды. Первой была проведена фолиация, на которую мы главным образом ссылаемся в предыдущем абзаце. Она была сделана розовым карандашом от первого до последнего листа; при этом один лист между лл. 4 и 5 остался пронумерованным. Затем другой рукой красным карандашом на оборотной стороне листов тюркской части рукописи были дописаны номера 1б, 2б и т.д. до 40б, а пропущенный при первой нумерации лист был пронумерован как 4в-4г. Кроме того, в белорусской части рукописи имеется пагинация простым карандашом страниц 1–3, 6–31, что соответствует листам 40–41, 43–55 первой нумерации. Лист 42, а значит и страницы 4–5, отсутствуют.

---

¹ Габделвахаб Муса бине Мостафа. [Мэжмуга], [б.м.], 1965. URL: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15715> (дата обращения 12.02.2026).

² В ряде работ указывался ошибочный шифр рукописи – 1446. Об этом см. [12].

Мы не знаем, были ли листы 2 и 42 утеряны после проведения нумерации (возможно, в библиотеке), или же номера 2 и 42 были пропущены сознательно, так как кустоды на с. 1б и 41б не совпадают с первым словом последующей страницы. Намеренный пропуск номера представляется весьма вероятным, потому что, судя по объему пропущенного текста, между листами 41 и 43 отсутствуют **три** листа³, в то время как номер пропущен только один – 42-й. Впрочем, утрата могла происходить и постепенно – два листа могли быть утеряны до нумерации, а третий после.

В работе Г. Мишкинене в конце перевода страницы 41б, т.е. перед отсутствующим листом, есть странное примечание о его содержании: «Нерасчитанные фрагменты; текст на арабском или турецком языках» [10, с. 150]. Однако, на утерянном листе предположительно должен быть текст на белорусском языке. На белорусском языке написан текст и на последующих сохранившихся страницах. Но, быть может, она что-то видела, например, один из ныне отсутствующих листов в начале рукописи⁴, вложенный между листами 41 и 43 как закладка?

Надо сказать, что несовпадение кустод с первым словом последующей страницы отмечается не только на с. 1б–3а и 41б–43а, но и между листами 10 и 11, 20 и 21 (?), 26 и 27, 34 и 35, где пропусков в фолиации нет. Более того, л. 11, 21, 27 начинают новые тетради, а л. 34 и 35 оторваны от книжного блока. Вероятно листы в этих местах были утеряны еще до проведения нумерации, а несовпадения либо не были замечены, либо были проигнорированы библиотекарем, который нумеровал листы Казанского китаба.

Бумага. Формат листов в рукописи 5750г – 4° (183 × 153 мм). Водяной знак расположен в центре сгиба. Понтюзо (редкие линии) идут горизонтально. Л. 1, 3, 27, 34, 35, 49 оторваны от книжного блока⁵.

А. Антонович писал: «обе части рукописи /тюркская и белорусская/ написаны на одинаковой бумаге, о чем свидетельствует водяной знак, имеющийся на л. 26, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 41, 43, 48 и многих других» [2, с. 123]. Согласно А. Антоновичу, этот водяной знак представлен в альбоме Э. Лауцявичюса под номером 455 – это двуглавый орел с буквой G посередине, обнаруженный в документах 1629–1630 гг. происходящих с территории ВКЛ [2, с. 123; 26].

Неясно, почему А. Антонович начал перечислять листы с данным знаком только начиная с л. 26, так как он встречается и на предшествующих листах:

---

³ Гадательный текст на с. 41б–55б состоит из 13 примерно одинаковых по объему частей – от 32 до 37 строк. Каждая часть соответствует одному из пророков, чьи имена указаны на с. 40б–41а. От первой части сохранились 6 первых строк (с. 41б:8–13); вторая отсутствует полностью; от третьей осталось 10 последних строк (с. 43а:1–10). Таким образом, отсутствуют от 80 до 95 строк, то есть три листа при 13–15 строках на странице.

⁴ Об отсутствии в рукописи начала и конца см. далее раздел «Содержание рукописи».

⁵ Примечательно, что все оторванные листы, очевидно, были первыми либо последними листами книжных тетрадей. Почему оторвались именно они? Быть может, рукопись длительное время существовала в виде отдельных, не сшитых вместе тетрадей?

1, 4а-б, 5, 8, 10, 12, 15, 16, 19, 21, 23, 24. С другой стороны, после л. 48 ни данного, ни какого-либо иного водяного знака нет.

Таким образом, из бумаги с филигранью в форме двуглавого орла сделаны только л. 1, 3–41, 43 и 48 (листы 43 и 38 образуют единое целое). Листы 44–47 изготовлены из бумаги, на которой ни водяные знаки, ни вержеры и понтюзо не просматриваются. С другой стороны, на л. 49–76 вержеры и понтюзо есть, но нет водяных знаков.

Складывается такая картина, что, из бумаги с водяным знаком в виде двуглавого орла сделана тюркская часть книги (л. 1, 3–40), в то время как в белорусской части (л. 41, 43–76) этот знак присутствует только на л. 41, 43 и 48, которые, вероятно, оставались пустыми (лишними) после написания тюркской части рукописи. Следует сказать, что указанные три вида бумаги могут как происходить из трех разных партий бумаги, произведенных на разных бумажных мельницах, так и быть разновидностями из одной партии, то есть быть изготовленными на одной бумажной мельнице. Бумага, на которой не просматриваются водяные знаки может быть результатом оплошности работника. Известны и случаи производства бумаги с вержерами и понтюзо, но без филиграни [8, с. 43]. Для решения этой дилеммы необходимы дальнейшие исследования.

Польский ученый А. Дрозд назвал бумагу Казанского китаба «местной» (*papier miejscowy*) [22, с. 51]. Однако, бумага с двуглавым орлом едва ли могла быть изготовлена на территории Речи Посполитой. Возможно, под словом *местная* имелась ввиду *европейская*. Исследователь водяных знаков Э. Лауцявичюс писал: «С середины XVI в. в водяных знаках с двуглавым орлом встречаются буквы, надписи и другие знаки. Это в большинстве своём водяные знаки бумажных мельниц Германии и Австрии» [8, с. 90]. Кроме того, бумага европейского производства широко использовалась на Востоке [3, с. 23 и далее].

Библиографическое описание рукописи.

Содержание рукописи. На сайте Библиотеки Казанского университета указывается следующий состав данной рукописи: *Мигъражнамэ; Шигъри эсэр; Хамаил*, что отличается от содержания, указанного в научных работах, посвященных Казанскому китабу.

Уже А. Антоновичу при первом знакомстве с рукописью стало ясно, что она состоит из двух частей, написанных разными людьми: тюркоязычной (лл. 1–40а) и белорусскоязычной (лл. 41–76) [2, с. 121]. Мы можем только уточнить, что круги с именами пророков на с. 40б являются неотъемлемой частью последующего текста на белорусском языке. Поэтому правильной было бы делить рукопись следующим образом: тюркоязычная часть (лл. 1–40а) и белорусскоязычная часть (лл. 40б–76), несмотря на то, что на с. 40б нет ни одного белорусского слова.

Тюркская часть включает два произведения. Оба написаны стихами в две колонки. Первое занимает с. 1а–30б. Очевидно, рукопись не имеет начала, поэтому в нем отсутствует название. Первые слова: *وار هم دخي كي لطفله الغيل جنين*. *اگا حوش صورتله اي أمين*.

На наш взгляд, именно как заменитель утраченного начала на внутренней стороне верхней крышки могла появиться так называемая *басмала* и иные

религиозные формулы, с которых обычно начинается любой мусульманский текст: لا اله الا الله محمد رسول الله اعوذ بالله من الشيطان الرجيم بسم الله الرحمن الرحيم «Нет бога [кроме] Аллаха. Мухаммад посланник Аллаха. Я обращаюсь за помощью к Аллаху от шайтана, побитого камнями. Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного». Трудно сказать, где была сделана эта запись – в Беларуси или уже в Татарстане. С уверенностью можно сказать только то, что на момент поступления в Центральную восточную библиотеку Казани в 1923 г. эта запись уже была (маловероятно, что ее сделали в библиотеке), а значит начало рукописи уже, скорей всего, отсутствовало.

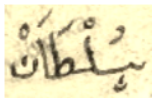
Очевидно, именно это произведение названо на сайте Библиотеки Казанского университета *Мигъражнамэ*. Действительно, в рукописях белорусских татар часто встречается поэма Мирадж-наме на тюркском языке с подстрочным переводом на белорусский [24, с. 133–145; 14]. Но сопоставление данного повествования с Мирадж-наме показывает, что это иной текст. Польский востоковед А. Дрозд осторожно, со знаком вопроса, определил его как *wierszowana opowieść o Muhammadzie (?)* «стихотворная история о Мухаммаде (?)» [22, с. 51]. Не менее осторожно охарактеризовали его исследователи из Литвы: «Турецкое мистическое стихотворение» [11, с. 35].

Последняя строка этого произведения (с. 31а) содержит дату без указания ее характера; упомянутую Г. Мишкинене: «В правом верхнем углу на той же странице имеется... дата, вероятно относящаяся к написанию “староосманского мистического стихотворения”» [10, с. 48]. Быть может это колофон автора данного текста, иными словами, дата окончания сочинения, которая соответствует 1438–1439 гг. н.э.:

هم سكيڤ يوز قرق ايكيده هجرته	حتم قلدق حوش ارشدك رحمته
------------------------------	--------------------------

«Также в *восемьсот сорок второй [год] по его хиджре мы закончили, благополучно достигли (конца по) милости Его*».

Второе тюркоязычное произведение, названное *وفات محمد مصطفى* «Смерть Мухаммада Мустафы», начинается со с. 31б и заканчивается на с. 40а. Возможно, что именно оно имеется ввиду на сайте Библиотеки Казанского университета под названием *Шигъри эсар*. На наш взгляд оно написано **двумя почерками** отличными от почерка первого текста. Строки 31б:1–37б:4 написаны одним почерком, а далее, начиная со строки 37б:5 и до конца (с. 40а:1) другим. Почерк страниц 31б:1–37б:4 выделяется, например, формой буквы ك, а почерк страниц 37б:5–40а:1 формой буквы س, не встречающихся на остальных страницах рукописи.

Ср., форму буквы ك в имени Абу-Бакр (с. 35а:7)	Ср., форму буквы س в слове «султан» (с. 39а:1).
	

Таким образом, у тюркской части переписчиков, очевидно, три.

Белорусская часть рукописи написана одним почерком. Как можно предполагать, именно она имеется ввиду под названием *хамил* в позиции «Ог-

лавление» на сайте Библиотеки Казанского университета. Однако, *хамаилы* в письменной традиции белорусских татар – это категория рукописей, включающая в первую очередь молитвы и описания ритуалов, а также порой знахарские, гадательные и другие тексты. В то же время данная рукопись содержит преимущественно тексты характерные для иной категории белорусскотатарских рукописей, так называемых *kitabов* – это дидактические рассказы и истории пророков [2, с. 123, 125]. Хотя, следует признать, что первое повествование белорусской части рукописи имеет гадательный характер, а мантика встречается именно в *хамаилах*. Таким образом белорусская часть рукописи имеет смешанный характер, но в науке она известна именно как Казанский kitab, а не хамаил⁶.

В белорусской части отсутствует конец, а следовательно и возможный колофон. В начале первого (гадательного) текста лишь указывается имя того, кто перевел его «с фарсийского и турецкого языков на *руський*» язык, о чем писал еще А. Антонович [2, с. 225]. Имя переводчика указано дважды в именительном и винительном падежах – *هودينا, حودينو* «Ходына, Ходыну» (л. 41a:4, 7). Формально возможны и иные варианты прочтения данного имени; так, вместо [o] может быть прочитано [u], а вместо [y] – [i], то есть Ходина, Худына, Худина. Однако, бросается в глаза сходство первого варианта прочтения с предполагаемым именем одного из певцов Слова о полку Игореве – Ходына [9, с. 73, 154], что подтверждает по крайней мере существование такого имени, от которого сохранились лишь следы в топонимике (село Ходынино и др.) и антропонимике (отчество Ходыничь) [17, с. 375–376].

Колофон переписчика. На странице 31a под последними строками первого тюркоязычного произведения расположен колофон переписчика, который до сих пор не был опубликован⁷. Между тем, так как в рукописи отсутствует конец, где мог бы быть колофон переписчика белорусской части, данный колофон приобретает первостепенное значение для изучения всей рукописи.

Имя переписчика, согласно предыдущим публикациям, посвященным этой рукописи – «Габдулвахаб Муса ибн Мустафа». Так указывают А. Антонович [2, с. 123], Г. Мишкинене [10, с. 48; 11, с. 34] и А. Дрозд – ‘Abd al-Wahhāb Mūsā b. Muṣṭafā [22, с. 51]⁸.

Вызывает удивление, что А. Дрозд [там же], Г. Мишкинене и др. [11, с. 34] называют его **третьим** копиистом, в то время как переписчики «турецкой стихотворной (л. 1–30) и белорусской (л. 41–76) частей», по их словам, неизвестны. Очевидно, указанными авторами по непонятным нам причинам было решено, что колофон на с. 31a относится не к предшествующему (с. 1a–31a), а к последующему тексту, то есть ко второму тюркскому произведению – «Смерть Мухаммада Мустафы» (с. 31b–40a).

⁶ Казанским хамаилом в научной литературе называется другая белорусскотатарская рукопись, хранящаяся в Библиотеке Казанского университета под номером 3180 [2, с. 132].

⁷ Если не считать публикацию литовской исследовательницей Т. Байрашаускайте фотографии страниц 30b–31a в качестве иллюстрации [21, с. 346–347].

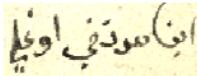
⁸ На сайте Библиотеки Казанского университета он, кроме того, назван автором, что не имеет никакого основания.

Хотя переписчиков у этой рукописи четыре – три у тюркской части (см. выше) и один у белорусской, – не вызывает сомнения, что данный колофон принадлежит переписчику первого тюркского произведения, так как колофон написан тем же, что и оно само почерком. Колофон имеет форму обращенного острием вниз треугольника, внутри которого расположен следующий текст на арабском языке⁹:

تمت الكتاب بعون الله الملك الوهاب باذن الله تعالى
كتب الفقير الحقير الداعي في الله لمن عبد الوهاب ابن مددق او غلي الدشتي
عفر الله ولوالدين ولجميع المؤمنين والمؤمنات والمسلمين والمسلمات الاحياء منهم والاموات
وصلى الله على محمد وآله اجمعين برحمتك يا ارحم الراحمين الحمد لله رب العالمين تمام

«Окончание книги с помощью Аллаха, Царя, Дающего, с позволения Аллаха Великого. Написал бедный, никчемный, призывающий ради Аллаха для Абдуль-Вахаба ибн [..?]–оглы ад-Дашти. Да простит Аллах [его?] и родителей, и всех верующих мужчин, и верующих женщин, и мусульман, и мусульманок, живых из них, и мёртвых. И да благословит Аллах Мухаммада и всю его семью. Милосердием Твоим, о Милосерднейший из милосердных. Хвала Аллаху, Владыке обоих миров. Конец».

В колофоне есть несколько мест требующих комментария. Во-первых, это загадочное имя *مددق* (?), которое во всех предыдущих работах без всяких, как нам видится, оснований интерпретировалось как Мустафа (см. выше). Весьма вероятно, что *مددق* – это фантом, возникший в результате переписки. Из этого следует, что данный колофон не является автографом, а был переписан вместе с основным текстом.

Кроме того, наличие перед содержащимся в колофоне именем выражения *لمن* «для того, кто...», очевидно, говорит о том, что это имя не переписчика, а того, для кого это произведение было переписано, т.е. заказчика, в то время как сам переписчик остался сокрытым под стандартными, характерными для мусульманских рукописей самоуничижительными эпитетами: *الفقير الحقير* «бедный, никчемный». Что касается третьего эпитета – *الداعي في الله* «призывающий ради Аллаха (проповедующий об Аллахе)», то следует признать, что оно встречается нам впервые, и значение его остается до конца не ясным. Не свидетельствует ли такой эпитет о принадлежности переписчика к исмаилитскому движению? Ведь титул *дауи* (داعي «проповедник») был особенно важен среди исмаилитов [27, с. 97–98]¹⁰.

Внизу страницы под колофоном есть изобилующая ошибками латинографическая запись на польском языке: *Ja Mustofa Murtozicz wl[a]sn[q] renk[q swq] pisal* «Я, Мустафа Муртозич, собственной рукой своей писал»¹¹. Оттенок

⁹ А. Дрозд определил язык колофона как турецкий [22, с. 51], хотя в нём присутствует только одно безусловно тюркское слово – «оглы».

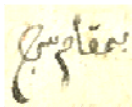
¹⁰ Примечательно, что в исмаилитских рукописях имена переписчиков и *дауи* могли записываться секретными алфавитами [25, с. 240]. Это могло бы объяснить загадочность указанного в колофоне имени *مددق*.

¹¹ За помощь в интерпретации латинографических записей выражаю благодарность кандидату исторических наук, научному сотруднику Фонда развития и поддержки армяноведческих исследований «АНИВ» Денису Лисейчику.

чернил кажется идентичным оттенку чернил основного текста. Если это так, то не исключено, что это и есть настоящее имя переписчика. Однако, на данном этапе исследований ни доказать, ни опровергнуть это невозможно.

Таким образом, сам колофон, к сожалению, не содержит информации о месте и времени переписки произведения. Однако, справа от колофона расположена запись на смешанном арабско-тюркском языке об окончании редактирования данного текста: تحرير الف حسمين حمسة سنة في شهر عزيز مبارك شعبان العظيم نيك «Редактирование. В тысяча пятьдесят пятом году, в святой, благословенный месяц шаабан великий, в двадцать шестой день, в среду¹² было сделано (завершено) полное редактирование». Надо полагать, что по окончании переписки данного произведения проводилась сверка текста с оригиналом (коляция¹³), что и названо термином تحرير [taħrĩr], который мы условно перевели как «редактирование». Запись об этом есть и на верхнем поле с. 24b – تحرير كامل اولندي «Было сделано полное редактирование». Возможно, что исправления на с. 10b, 16b также являются результатом сверки (коляции).

Запись об окончании редактирования заканчивается загадочными словами: وقت العصر بمقام سجع كوندن يازيلدى «время послеполуденной молитвы; в день *макам садж* было написано». В каком значении употреблены здесь слова مقام [maqām] «место, могила святого, музыкальный лад?» и سجع [sağˁ]¹⁴ «рифмованная проза?» остается пока неизвестным.

Слева от колофона расположены стихи переписчика (6 строк). Приводим первые две строки:

اوقيانى دگلابانى نيانى يازدرانى	Над читающим, слушающим... и пишушим (диктующим?)
رحمة گل يارلقاغيل يا غنى	милосердно жалься, о Богатый! ¹⁵

Уже упомянутый нами А. Дрозд высказывал предположение, что переписчики тюркской части этой рукописи могли не быть уроженцами Великого княжества Литовского (ВКЛ): *być może sami kopiści pochodzili spoza WKŁ* «Быть может сами копиисты происходили из-за пределов ВКЛ» [22, с. 51], не указав, к сожалению, на основании чего он пришел к такому заключению? Быть может причиной тому послужило наличие в присутствующем в колофоне имени *нис-*

¹² Указанная дата соответствует 16.10.1645 г. (понедельник) по григорианскому календарю. Так как дни недели не совпадают, то, очевидно, в дате есть ошибка минимум в два дня.

¹³ Существуют несколько видов коляции, каждый из которых имеет свое название. Об этом см. [25, с. 67].

¹⁴ Чтение سجع [sağˁ] предположительно, возможно مع [mağˁ]. Также не исключено, что это имя собственное.

¹⁵ Тут «Богатый» – эпитет Бога. Подобные стихи есть в колофоне переписчика белорусскотатарской рукописи (тафсира) 1686 г., которая хранится в Центральной научной библиотеке им. Я. Коласа НАН Беларуси [23, с. 248].

бы¹⁶, что нехарактерно для антропонимики татар Беларуси, Литвы и Польши (сравните упомянутые далее имена предполагаемых владельцев – Мухарем Счастный, Мустофа Муртозич). Также неясно, идет ли речь о том, что рукопись (ее тюркская часть) была написана за границей, либо о том, что ее написали на территории Речи Посполитой некие иммигранты.

Владельческие, дарственные, хозяйственные и иные записи. Рукопись содержит ряд неисследованных до сих пор владельческих и иных записей, которые могут пролить свет на ее происхождение и историю. Одна предположительно владельческая запись есть на внутренней стороне верхней крышки. Польским алфавитом там написаны имя и фамилия – *Mucharem Sczasny* «Мухарем Счастный». На с. 31а под колофоном переписчика также есть уже упомянутая нами польскоязычная запись латинским письмом некоего Мустофы Муртозича, которая может быть как записью переписчика, так и владельческой записью (см. выше).

В конце тюркской части рукописи, язык которой известный тюрколог А. Самойлович определил, как староосманский [16, с. 6]¹⁷, на с. 40а есть несколько владельческих записей на кыпчакском (татарском?) языке, которые, как и рассмотренные выше латинографические записи, так же до сих пор даже не рассматривались никем из исследователей¹⁸. Очевидно, с. 40а оставалась единственной пустой страницей в рукописи после написания ее белорусской части, что и стало причиной появления владельческих записей именно на ней. На то, что эти записи сделаны на кыпчакском (татарском?) языке, а не османском, среди прочего указывает формант винительного падежа -ni в слове *китаб* (کتابنی) и прошедшее время на -gan (الغان) наряду с -di (الديم), местоимение من «я».

Если рассматривать записи подряд, то есть сверху вниз, то первой записью нужно считать, очевидно, вертикальный текст светло-коричневыми чернилами: بو کتاب الغان یلان یلندا «Эту книгу он купил в год змеи»¹⁹. Этим же почерком начата, но незакончена по неизвестным нам причинам дата: تاریخ میک دا ... اون ... «Дата. В тысяча... десять...». Дважды, очевидно как проба пера, над росчерком, напоминающим арабское слово سنة «год», написаны арабские числительные: ٧٦٤٣٢١ / ٧٦٥٤٢٢١ «1234567 / 123467», которые, однако, едва ли указывают некий год.

¹⁶ Нисба (арабское نسبة [nisba] «отношение, связь») – здесь прозвище, указывающее на место происхождения. В колофоне – *ад-Даути* – от предполагаемого топонима *Даут, образованного от персидского دشت [dašt] «равнина, степь».

¹⁷ О значительной роли османско-турецкого языка в культуре татар Великого Княжества Литовского и их потомков – белорусских, литовских и польских татар – говорит, например, тот факт, что большинство ориентализмов в их этнолекте белорусского языка имеет именно османское происхождение [20, с. 345].

¹⁸ Лишь Г. Мишкинене, возможно, упомянула их в загадочной фразе: «Тюркский текст со страницы 40а написан одним почерком и относится по содержанию к началу белорусского текста...» [10, с. 49]. Но, скорее всего, здесь имеет место элементарная ошибка, и речь шла не о с. 40а, а о с. 40б, на которой помещены круги с вписанными в них именами пророков, действительно связанными с последующим белорусским текстом.

¹⁹ О популярности 12-летнего цикла среди казанских татар писал в начале XX века Н.Ф. Катанов [6].

Следующие четыре строки, написанные темно-коричневыми чернилами, кажется, сделаны одной рукой, хотя четвертая строка выглядит несколько обособлено как визуально – текст начат с новой строки, так и с точки зрения содержания – первые три строки написаны от первого лица, а четвертая от третьего:

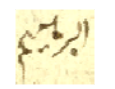
بو کتابنی من ابراهم استابیکادان ستی ب الدیم اون نو
قراتقا بو کتاب ابراهم مولاغه قتلوغ مبارک اولسون
اینشاء الله تعالی آمین رب العالمین
بو کتاب الغان رمضان ایننک بکرمی توقوزونجی کونندا یکشنبه

«Эту книгу я, Ибрагим, купил у жены муллы²⁰ за десять *серебренников*²¹. Эта книга Ибрагиму мулле, да будет он счастлив, благословен! Если захочет Аллах Высокий, аминь, Владыка обоих миров.

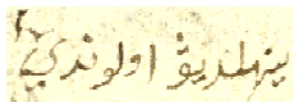
Эту книгу он купил в рамадан месяц, двадцать девятый день, воскресенье».

Если мы правильно понимаем значение этой записи, то в ней указываются три ранее неизвестных владельца этой книги: жена муллы, Ибрагим и Ибрагим-мулла.

Третья и последняя запись, значение которой, к сожалению, остается неясным, как минимум написана другими чернилами (более светлыми), чем предыдущая, и, что весьма вероятно, другим человеком: من ابرهیم ینهلدیؤ اولوندی «Я Ибрагим... в джумада-ль-ахир месяце, в семнадцатый день, среду». Сравните, например, написание имени Ибрагим:

Имя «Ибрагим» во 2-й записи	Имя «Ибрагим» в 3-й записи
	

Значение слов ینهلدیؤ اولوندی в третьей записи, к сожалению, остается неизвестным. Весьма вероятно, что ینهلدیؤ это фамилия татарского происхождения, напр., Янгильдеев, распространенная в XVII в. на Смоленщине [13, с. 121-122], чем, вероятно, и объясняется написание характерного для белорусского языка фрикативного [h] вместо взрывного [g]. В конце слова اولوندی малопонятная помета, возможно исправление с третьего лица на первое – اولونديم?

Кроме рассмотренных владельческих записей есть и записи иного рода. Так, на внутренней стороне нижней крышки, наряду со стандартными религиозными формулами: الله لا اله الا الله محمد رسول الله بسم الله الرحمن الرحيم «Аллах, нет бога кроме Аллаха. Мухаммад посланник Аллаха. Во имя Аллаха Милостивого и

²⁰ Ср. современное татарское *остабикэ* «жена муллы».

²¹ В рукописи *нукратка* – от персидского *نقره* «серебро» со славянским суффиксом уменьшительности! Ср., чувашское *нухрат* «мелкие серебрянные монеты» [19] и кумыкское *нохурат* в выражении *нохурат да ёкъ* «у него нет ни гроша» [7, с. 239].

Милосердного», есть три хозяйственные заметки на татарском языке, которые начинаются со слов *سير بوزاق برلا يورودي* «Корова пошла с теленком (т.е. забеременела, родила?)» и заканчиваются указанием месяца (джумади-ль-авваль, мухаррам, раби-ль-авваль) и дня. Наличие такого рода заметок указывает на довольно длительное пребывание этой рукописи в крестьянской среде в Татарстане²².

Еще А. Антонович в своей монографии 1968 г. обратил внимание на заметку А.Н. Самойловича, которая, что весьма вероятно, относится к рассматриваемой нами рукописи: «На Волге, в Татарской Слободе, под городом Костромой, у местного муллы и известного татарского писателя Укмасы я видал в 1916 году завезенную в это селение из Западного Края другим местным муллой Сафаровым, интересную литовско-татарскую рукопись, в коей заключается старо-османское мистическое стихотворное произведение с толкованием на польском или белорусском языке. В бытность мою весною 1925 года в Казани я слышал, что Укмасы передал эту рукопись в Центральную Казанскую Библиотеку»²³ [16, с. 6; 2, с. 39, 121].

И хотя белорусский текст Казанского китаба не является переводом тюркского [2, с. 121], А.Н. Самойлович, очевидно, видел именно эту книгу, так как на первой странице рукописи в левом верхнем углу есть запись с названием библиотеки (... *مركز شرق كوتبحانه* «Центральная восточная библиотека...») и именем писателя – «от Миргазиза Укмасы» (*مير عزيز نوحماسی دان*), датированная 20 марта 1923 г.

Таким образом, рассмотренные выше владельческие записи на кыпчакском (татарском?) языке следует датировать, очевидно, периодом от 1916 г. или несколько ранее²⁴ и до 1923 г. В таком случае год змеи – это 1917-й год, потому что, по свидетельству А.Н. Самойловича, в 1916 г. рукопись уже была в Татарстане. Однако, присутствие в тексте второй владельческой записи на с. 40а архаизмов, таких, например, как прилагательное *قتلغ* «счастливый»²⁵, и, может быть, наименование денежной единицы термином *نوقرات* «серебренники» вызывает некоторое сомнение. Не возникла ли эта запись ранее, то есть тогда и там, где была денежная единица, которая называлась данным термином²⁶.

Кроме того, на верхнем поле с. 4а чёрными чернилами написаны четыре индо-арабские цифры: *١٨٤١* «1841», которые могут быть датой по христианскому летоисчислению, связанной с неким неизвестным нам событием в истории Казанского китаба (читательской пометой?).

²² Подобные записи, только на славянских языках, есть и в иных белорускотатарских рукописях. Напр., в списке Корана 1830-х годов, который храниться в Полоцком музее книгопечатанья, написано: «1 Апреля корова отелилась...».

²³ Очевидно имеется ввиду Центральная восточная библиотека, существовавшая в Казани с 1921 г. по 1927 г.

²⁴ Быть может от начала Первой мировой войны, то есть от 1914 г.? Весьма вероятно, что именно война стала причиной поездки муллы Сафарова.

²⁵ Ср., древнетюркское QUTLUY [4, с. 473] и татарское *котлы* в словаре 1892 г. [15, с. 128], *قوتلى* в словаре 1912 г. [5, с. 178].

²⁶ Например, в Дагестане XVI – первой половины XIX в. термин *нукра* употреблялся как синоним слова *дирхем* [1].

На с. 35а в верхнем левом углу имеется полувыцветшая запись коричневыми чернилами арабским письмом без диакритических знаков, состоящая, предположительно, из слова Аллах и одного из вариантов написания слова *кабикадж* (الله - كـ?), которое, будучи названием растения, как считалось, предохраняет рукопись от червей и насекомых [25, с. 137].

Заключение. Как известно, при исследовании любого рукописного документа одной из первостепенных задач является его кодикологическое и библиографическое описание, то есть изучение бумаги, определение места и времени его возникновения и т.д. Однако, несмотря на то, что Казанский kitab служит объектом исследований с 60-х годов прошлого века, однозначных ответов на данные и другие вопросы, которые возникают перед исследователями этого памятника белорусскотатарской письменности, пока нет.

Утверждение А. Антоновича, что обе части рукописи (тюркская и белорусская) написаны на одинаковой бумаге [2, с. 122–123], теперь не выглядит столь убедительным. Из этого можно сделать вывод, что тюркская часть рукописи могла возникнуть за рубежом (либо быть скопированной с рукописи привезенной из-за границы), в то время как белорусская часть безусловно была написана на территории Беларуси, ибо маловероятно, что текст на белорусском языке мог возникнуть за пределами Беларуси.

Анализ колофона переписчика показал, что он мог быть переписан вместе с основным текстом. Об этом, возможно, свидетельствуют наличие в колофоне имени-фантома (مندقب /?/), тёмных мест (بمقام سجع /?/ и др.), пропуск фрагмента молитвы («Да простит Аллах [его?] и родителей...»), неточность в дате (среда вместо понедельника). Такого рода ошибки, как нам кажется, могли возникнуть скорее в процессе переписывания текста копиистом, чем во время его написания автором. Маловероятно, чтобы кто-то сделал такую ошибку в своем собственном имени, которая превратила бы его в фантом, и к тому же перепутал день недели.

Недоверие, которое в таком случае закономерно вызывает указанная в колофоне дата, порождает необходимость поиска альтернативных способов датирования рукописи, например, посредством более тщательного изучения бумаги – определения точного места и времени ее изготовления, а также возможности ее экспорта в страны Востока и на белорусские земли.

Все это вынуждает нас рассматривать дату, указанную в колофоне к первому тюркскому тексту, не как дату написания данной рукописи (или по крайней мере данного текста), а лишь как *terminus post quem* «не ранее чем». Иными словами, Казанский kitab был написан не в 1645 г., а не ранее чем в 1645 г., быть может в конце XVII или даже в начале XVIII в. Вероятно этим и объясняется наличие в белорусских текстах рукописи более 150 случаев обозначения гласного [о] особым знаком (буквой ۛ с фатхой над ней), что является нормой для орфографии белорусскотатарских рукописей, начиная с конца XVIII в. [2, с. 125].

Что касается владельческих записей, то уже сейчас очевидно, что судьба данной рукописи была значительно сложнее, чем предполагалось. К ранее известным владельцам книги – мулле Сафарову и Миргазизу Укмаси, добавился целый ряд новых, ранее неизвестных: Мустофа Муртозич, Мухарем

Счастнй, жена муллы, Ибрагим, Ибрагим-мулла, Ибрагим Янгильдеев... Работа в архивах могла бы помочь идентифицировать бывших владельцев, что, несомненно, пролило бы свет на судьбу изучаемой нами рукописи, как на белорусских землях, так и в Татарстане. Возможно, что владельцев татарского периода истории рукописи следует искать в окружении Миргазиза Укмасы, которому она также принадлежала.

И хотя для достижения поставленных задач предстоит сделать еще немало, уже сейчас видна необходимость корректуры кодикологической и библиографической информации о Казанском китабе в научных публикациях, в том числе на сайте Библиотеки Казанского университета, так как ныне указываемые объём (количество листов), содержание, имя переписчика содержат ряд неточностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айтберов Т.М., Нажмутдинова С.А., Абдуллаев Н.А. К вопросу об использовании восточных монет в Дагестане XVI – первой половины XIX в. // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12–1 (89). С. 963–968.
2. Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского государственного университета, 1968. 418 с.
3. Арабские, персидские и турецкие рукописи в государственных хранилищах Беларуси: каталог / сост. Л.И. Станкевич, М.В. Тарелко. Минск: Беларуская навука, 2016. 182 с.
4. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. Катанов Н.Ф. Краткий татарско-русский словарь. Казань: Литография Император. Университ., 1912. 265 с.
6. Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности поволжских татар за XIX век // Поволжье: сборник. Вып. 1. Нижний Новгород, 1903. С. 17–18.
7. Кумыкско-русский словарь. Под ред. З.З. Бамматова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
8. Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII веках. Вильнюс: «Моклас», 1979. 186 с.
9. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 176 с.
10. Мишкинене Г. Древнейшие рукописи литовских татар (Графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов). Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2001. 262 с.
11. Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е. Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2005. 138 с.
12. Мишкинене Г. По следам казанского китаба КУ-1446 // Senoji lietuovos literatūra, 24 knyga. 2007. С. 263–285.
13. Нарбут А.Н. Генеалогия Белоруссии. Вып. 3 (XIX–XX в.). М., 1995. 159 с.
14. Несцяровіч В. «Мірадж-намэ». 3 китаба Абрагіма Хасяневіча (1832). Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2025. 325 с.

15. Остроумов Н. Татарско-русский словарь. Казань: Издание православного миссионерского общества, 1892.
16. Самойлович А.Н. Литовские татары и арабский алфавит // «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», 1926, № 3. С. 3–7.
17. Соловьев А.В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы, Т. XX. 1964. С. 365–385.
18. Чекмонас В. Гадальная книга Ходыны (из Китаба 1446) // *Kalbotyga*, XXXVI(2). 1985. С. 99–107.
19. Чувашско-русский словарь / Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др.; Под ред. М.И. Скворцова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.
20. Akiner Sh. Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. 457 p.
21. Bairašauskaitė T. Lietuvos totorių istorija. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2021. 496 p.
22. Drozd A. Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tom III. Warszawa: Res Publica Multiethnika, 2000. S. 12–37. 84 s. + 177 il.
23. Drozd A. Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. T. XXXVI. Warszawa, 2004. S. 237–250.
24. Durgut H. Ibn Abraham Karitski Kitabı Miraçnamesi / Inceleme-Metin-Dizin. Konya: Kömen Yayınları, 2016. 234 s.
25. Gacek A. Arabic manuscripts. A Vademecum for readers. Leiden-Boston: Brill, 2009. 338 p.
26. Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius: Leidykla «Mintis», 1967. 577 p.
27. The Encyclopedia of Islam. New edition. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1991. 1146 p.

REFERENCES

1. Aytberov T.M., Nazhmutdinova S.A., Abdullayev N.A. On the question of the use of the eastern coins in Dagestan in the 16th – first half of the 19th century. *Economy and Enterprise*. 2017, no. 12–1 (89), 2017. (In Russian)
2. Antonovich A.K. Belarusian texts written in Arabic script and their graphic and orthographic system. Vilnius, 1968. 418 p. (In Russian)
3. Arabic, Persian and Turkish manuscripts in state repositories of Belarus: catalogue. Comp. by L.I. Stankevich, M.V. Tarelko. Minsk: Belarusian Science, 2016. 182 p.
4. Old Turkic dictionary. Ed. V.M. Nadelayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russian)
5. Katanov N.F. Brief Tatar-Russian dictionary. Kazan: Lithography of the Imperial University, 1912. 265 p. (In Tatar and Russian)
6. Katanov N.F. Volga Tatars in their works and in life. Review of the literary activity of the Volga Tatars in the 19th century. Volga region: collection. Issue 1. Nizhniy Novgorod, 1903, pp. 1–19 (In Russian)
7. Kumyk-Russian dictionary. Ed. Z.Z. Bammatov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. 408 p. (In Kumyk and Russian)
8. Laucevičius E. Paper in Lithuania in 15th–18th centuries. Vilnius: Mokslas, 1979. 186 p. (In Russian)

9. Lihachov D.S. «The Tale of the Igor's Campaign». Historical and Literary essay. Moscow: Prosvesheniie, 1976. 176 p. (In Russian)
10. Mishkinene G. The most ancient manuscripts of the Lithuanian Tatars (Graphics. Transliteration. Translation. Structure and content of texts). Vilnius University Press, 2001. 262 p. (In Russian)
11. Mishkinene G., Namavichute S., Pokrovskaya E. Catalogue of the Arabic script manuscripts of Lithuanian Tatars. Vilnius: Vilnius University Press, 2005. 138 p. (In Russian)
12. Mishkinene G. In the footsteps of the Kazan kitab KY-1446. In: Senoji lietuovs literatura=Old Lithuanian literature, Book 24. 2007, pp. 263–285. (In Russian)
13. Narbut A.N. Genealogy of Belarus. Issue 3 (19th–20th centuries). Moscow, 1995, pp. 121–122. (In Russian)
14. Nesciarowich V. “Miraj-name”. From the Kitab of Abraham Hasianievich (1832). Viciebsk: VDU named after P.M. Masherov, 2025. 325 c. (In Belarusian)
15. Ostroumov N. Tatar-Russian dictionary. Kazan: Izaniie pravoslavnogo missionerskogo obshestva, 1892. (In Tatar and Russian)
16. Samoylovich A.N. Lithuanian Tatars and the Arabic alphabet. *Izvestiya obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana=News of the Society for the Research and Study of the Azerbaijan*. 1926, no. 3, pp. 3–7. (In Russian)
17. Solovyov A.V. Eight Notes to “The Tale of Igor's Campaign”. *Trudy Otdela drebnerusskoy literatury=Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 20. 1964, pp. 365–385. (In Russian)
18. Chekmonas V. The fortune-telling book of Hodyna (from Kitab 1446). *Kalbotyra=Linguistics*. Vol. 36 (2). 1985, pp. 99–107. (In Russian)
19. Chuvash-Russian dictionary. Andreyev I.A., Gorshkov A.E., Ivanov A.I. and others; Ed. M.I. Skvorcov. 2nd edition, stereotype. Moscow: Russkij Yazyk, 1985. 712 p. (In Chuvash and Russian)
20. Akiner Sh. Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. 457 p.
21. Bairašauskaitė T. Lietuvos totorių istorija=The history of the Lithuanian Tatars. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2021. 496 p. (In Lithuanian)
22. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich=Literature and Muhirs of the Polish-Lithuanian Tatars. Catalogue of the Tatar monuments. Vol. 3. Warszawa: Res Publica Multiethnika, 2000. 84 p. + 177 ill. (In Polish)
23. Drozd A. Old Polish Koran. Reflections on the discovery of the Minsk tafsir from 1686. In: *Rocznik Biblioteki Narodowej=National Library Yearbook*. Vol. 36. Warszawa, 2004, pp. 237–250. (In Polish)
24. Durgut H. Ibn Abraham Karitski Kitabı Miraçnamesi. Inceleme-Metin-Dizin. Konya: Kömen Yayınları, 2016. 234 p. (In Turkish)
25. Gacek A. Arabic manuscripts. A Vademecum for readers. Leiden-Boston: Brill, 2009. 338 p.
26. Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius: Leidykla “Mintis”, 1967. 577 p. (In Lithuanian)
27. The Encyclopedia of Islam. New edition. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1991. 1146 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Владимирович Тарелко – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания им. Якуба Коласа, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (220072, ул. Сурганова, 1, корпус 2, Минск, Беларусь); ORCID: 0009-0003-3881-3007. E-mail: tarelko_michael@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michael V. Tarelko – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Linguistics named after Yakub Kolas, Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (1, building 2, Surganov Str., Minsk 220072, Belarus); ORCID: 0009-0003-3881-3007. E-mail: tarelko_michael@yahoo.com

Поступила в редакцию / Received 01.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 14.01.2026

Принята к публикации / Accepted 09.03.2026